

УДК 1.122/129

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМАТА

**БОРИСОВ
ОЛЕГ
СЕРГЕЕВИЧ**

*доктор философских наук,
профессор кафедры философии факультета
философии, культурологии и искусства,
Ленинградский государственный университет им. А.
С. Пушкина, кафедра философии факультета
философии, культурологии и искусства,
Санкт-Петербург, Пушкин, Российская Федерация,
o.s.borisov@gmail.com*

Ключевые слова:

эволюция
общество знания
информация
управление
формат
личность
группа
самоорганизация
феномен страха
иерофании

Аннотация:

Предпринимается попытка рассмотреть историческое развитие социальных отношений, приводящее посредством информационных технологий к переходу от классического формата координации индивида и группы к его техническому аналогу в постулируемом обществе, основанном на знании. Схематически структура развития предстает в обособлении особи из коллектива в связи с формированием в ходе лучшей адаптации рефлексивной способности, ведущей за собой осознание собственной смертности. Компенсаторным механизмом на следующем этапе приспособления когнитивных способностей, восстанавливающих внутреннее равновесие организма за счет чисто психологических механизмов, становится выработка практик, которые позволяют гипостазировать идеи о вещах в особом пространстве, отвечающем за их неизбежность и виртуальное постоянство. В отличие от физиологических механизмов гомеостаза особи, контактирующей с внешней средой обитания, где ее объекты предстают как безусловно необходимые источники удовлетворения потребности, переориентация в связи с осознанием неминуемой смерти на внутреннюю среду в целях поиска подобных сберегающих практик, породила личностный гомеостаз. В рамках личностного гомеостаза сформировавшаяся способность связывала индивида не только с самим собой за счет виртуальной конструкции, но и на новом уровне отношений – с общностью, порождая опосредованную коммуникацию индивидов, связанных в социальный гомеостаз. В новых условиях информационного общества технологические форматы представляют собой цифровые аналоги классической координации личности и группы. В силу технологического развития дальнейшая диверсификация реальности на виртуальную и действительную в последовательной смене конфигураций отношений организм/индивид/личность – стадо/общность/группа в своем информационном разнообразии снимает различие между виртуальными конструктами и действительными. Получая программное обеспечение, благодаря которому классические форматы, основанные на иерофаниях, замещаются и переформатируются, не меняя своей

функциональности, электронными версиями, информанты в условиях атомизации выстраивают структуру личности – группа, где тождество бытия и представления о бытии конфигурируется согласно требуемому информату. В дальнейшем самоопределение личности и самоорганизация групп получают обезличенную неустойчивость.

© 2020 Петрозаводский государственный университет

Получена: 06 марта 2020 года

Опубликована: 06 апреля 2020 года

Введение

Д. Белл, П. Друкер, М. Макклэун, Э. Тоффлер, М. Кастельс и многие другие исследователи общественных изменений новейшего времени констатируют переход к новому типу общества, основу которого составляют знания, полученные в результате работы с информацией.

«Знание теперь используется для производства знания, – пишет П. Друкер, – использование знаний для отыскания наиболее эффективных способов применения имеющейся информации в целях получения необходимых результатов – это, по сути дела, и есть управление. В настоящее время знание систематически и целенаправленно применяется для того, чтобы определить, какие новые знания требуются, является ли получение таких знаний целесообразным и что следует предпринять, чтобы обеспечить эффективность их использования. Иными словами, знание применяется для систематических нововведений и новаторства» [3: 95]. Таким образом, знание становится *главным*, а не просто *одним из* видов ресурсов, как это всегда было, замечает П. Друкер, что превращает современное общество в общество знания. Главенствующая роль знания коренным образом изменяет социальную структуру и посредством новых технологий запускает и новые процессы во всех сферах социокультурного бытия. Суть этих процессов пока видна в общем плане, однако уже сейчас можно наметить отдельные направления, в которых закладывается фундамент будущего – доминирующая роль личности относительно государства при низком значении лидерства и быстроты его перемены, а также высокая степень самоорганизации групп и мобильность переходов между ними; однако управление процессами и конфликтами на личностном и групповом уровнях осуществляется алгоритмами нетократии [1], техническими средствами формирующими структуризацию отношений индивидов и конфигурации групп, подчиненных заданной функциональностью с непредсказуемыми последствиями и неопределенными результатами для наблюдателя.

Рассматривая историческое развитие социальных отношений сквозь призму происходящих посредством информационных технологий переходов от классического формата координации индивида и группы к его техническому аналогу, представленному современным обществом, которое постулируется сегодня как общество, основанное на знании, мы можем схематически деконструировать структуру развития жизни на этапе *Homo sapiens*, когда воспроизводящие себя особи координировались в группы с естественной иерархией, основанной на праве сильного, как модели, отобранной эволюцией ради воспроизводства вида. Структура развития представляет собой в том числе и этапы в обособлении особи из коллектива в связи с организацией в ходе лучшей адаптации рефлексивной способности, ведущей за собой помимо формирования навыка интенсивной обработки информации с целью получения первичного знания, включающего в себя некоторую систему фиксированных способностей, расширяющих арсенал собственной орудийности за счет культивированной, и способностей, расширяющих осознание индивидуума до понимания Я и своей собственной смертности. Новый механизм выделил не только интеллектуальную способность в отдельный кластер, но и сконструировал механизм преодоления «экзистенциального одиночества» путем формирования внутренних структур мозга, отвечающих за минимизацию последствий интеллектуального взрыва за счет диссимилиации предметности, и отчуждение последних во внеположенный пространственный инстант, ставший полем символической коммуникации на основе ценностно-нормативных законодательных констант социального организма. Другими словами, компенсаторным механизмом на данном этапе адаптации когнитивных способностей, восстанавливающих внутреннее равновесие организма за счет чисто психологических механизмов, становится выработка практик, которые позволяют гипостазировать идеи о вещах в особом пространстве, отвечающем за их незыблемость и виртуальное постоянство. В отличие от физиологических механизмов гомеостаза особи, контактирующей с внешней средой обитания, где ее объекты предстают как безусловно необходимые источники удовлетворения потребности,

переориентация в связи с осознанием неминуемой смерти на внутреннюю среду в целях поиска подобных источников условных/символических сберегающих практик породила личностный гомеостаз, в котором сформировавшаяся способность связывала индивида не только с самим собой за счет виртуальной конструкции, но и на новом уровне отношений – с общностью, порождая опосредованную коммуникацию индивидов, связанных в социальный гомеостаз.

1

Д. Белл в книге «Грядущее постиндустриальное общество» (1973) утверждает, что информация становится не только товаром, на который не распространяются привычные методы ценообразования, но и орудием господства. Тем самым в терминах Э. Тоффлера интеллектуальная сила сменяет экономическую, в свою очередь сменившую в индустриальную эпоху доминанту физической силы. Нет надобности убивать, когда можно купить, и нет необходимости покупать, когда, работая с информацией и владея знанием, можно «просто» обыграть. Особенностью систематизации знания как фактора инноваций является то, – продолжает Д. Белл, – что, даже будучи проданным, оно остается у своего производителя, представляя собой *коллективное благо*, поскольку по своему характеру с момента создания оно *становится доступно всем*. Это равенство в получении, обработке и овладении информацией порождает новые противоречия.

Доступное всем изобилие информации не имеет в Ином инстанции ее целенаправленного отбора, требуя от личности *стать самой этой инстанцией*, не пролонгированной ничем другим, кроме как тем, что *должна сама сконструировать* почти невозможный набор принципов на основе не обобществленных критериев, требуя от личности актора своих собственных сил. Доступное всем изобилие информации на разных этапах своей доступности, исторически фундированное изобретением книгопечатания, телевидения и Интернета, снимало инстанции Бога, авторитета и инструкции и, казалось бы, высвобождая актора, на самом деле всякий раз возрождало в новом формате их технические аналоги.

Интеллектуальная сила, как и физическая, в эгалитарном контексте отсылает к естественным законам не в меньшей степени, чем к искусственным, которым мы могли бы приписать вслед за Ж.Ж. Руссо и К. Марксом несправедливое распределение экономической силы в обществе. Д. Белл, ссылаясь на Ю. Хабермаса, который писал, что «...технология и наука стали ведущей производительной силой, и это подорвало основы трудовой теории стоимости К. Маркса», констатировал, что в этом смысле можно утверждать, что общественным продуктом является знание, а не труд, и что Марксов анализ общественного характера производства в большей мере применим к знанию, чем к товарам. «Сегодня уже нельзя подсчитывать объем капиталовложений в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы на основе стоимости неквалифицированной (простой) рабочей силы. Научно-технический прогресс сам стал источником прибавочной стоимости, по сравнению с которым все меньшая роль отводится единственному признаваемому К. Марксом источнику прибавочной стоимости, а именно, рабочей силе непосредственных производителей» [2: CLII]. Сила освобожденного труда в проекции отдельного/свободного человека высвобождалась машинерией по удовлетворению потребностей в том смысле, что единственной заботой такого человека могли стать принципы самоопределения, самоуправления и самоактуализации, конечно, если они не поработались машиной.

2

Управляет и эффективен тот, кто владеет информацией. И даже не столько тот, кто в силу служебных обстоятельств, является ее носителем. Сам по себе доступ к источнику знаний не становится необходимым и достаточным условием умения использовать информацию в конечных целях, поскольку круг лиц, в котором эта информация циркулирует, ограничивается ограниченными возможностями ее использования в силу институциональных причин и следствий, которые табуируют свободный обмен и кодируют контент ореолом «тайны», по сути, делая информацию мертвой. Это напоминает средневековых мастеров, которые ради непрекращающейся прибыли уносили с собой в могилу рецепт или технологию изготовления, замедляя *техническое* развитие и требуя *повторных* открытий в будущем. Это напоминает жрецов, которые охраняли сакральные знания от непосвященных, то есть от тех, кем нужно управлять ради их же блага (например, в утверждениях «Великого инквизитора»), что требовало повторных открытий в рамках других сословий, классов и групп, отдавая *социальную* однородность будущего. Это напоминает современных политиков, которые используют сокрытие информации в целях манипуляции, в основе которой лежат все те же мотивы, купирующие личностное саморазвитие индивидов, стремящихся выйти из подчинения и утвердиться в самих себе и на своих основаниях. Это требует постоянно возобновляющихся самооткрытий мира в себе самом и себя в мире открытий как технологически атомизированного социального субъекта, который в отличие от негативных коннотаций понимания современного положения культуры представляется принципиально

конструирующим ницшеанским человеком, коммуницирующим не глаза в глаза (эмпатируя), а с помощью технических средств, вооружившись которыми эмотивная составляющая подавляется дискурсом.

Подобное положение дел, видимо, образует общественный субстрат снизу по принципу свободной самоорганизации, который, возможно, впервые в истории получает новый формат социальных институтов. Западноевропейский культурный проект, продекларировав «Свободу, Равенство, Братство» в мучительном споре между сторонниками экономического равенства в распределении благ и сторонниками правового равенства индивидов в приращении собственности, ставшей одним из модусов свободы, утвердил в лице английских и американских просветителей и реализовал последний концепт как *единственно* возможный системообразующий и работоспособный идеал, поскольку иные попытки установления социального равенства были действительно умышленными, и опыт искусственного форматирования человека на основе сконструированной системы ценностей требовал тотального инструментария, противоречащего естественным законам природы, хотя и базирующегося на них. Сама по себе система ценностей в естественном порыве жизни утверждалась никогда не искусственно, ее не возможно сконструировать и предложить обществу как руководство к действию насильственно или увещеванием, законодательно или конструктивно моделируя такие структуры отношений, при которых иные действия становятся принципиально невозможными. Жизнь в своем вечном порыве всегда находила обходные пути, а попытка обуздать ее в ее стремлении освободиться от насильственно навязанных конструкторов, всегда оборачивается трагической насмешкой, когда предстает в искаженных и извращенных относительно помысленного идеала формах. И идеал платоновского государства, и эгалитарный город утопического социализма, и реализация идеала в стране, «победившей» естественную природу человека организующим раем на Земле, как и сами религиозные вариации, лежащие в основе эгалитарных проектов, есть разнообразные способы, даже исходящие из лучших побуждений, но способы насилия над свободной природой человека, узаконенной самой Жизнью.

Жизнь в своем вечном порыве всегда прибывала к форме, поскольку только так она могла утвердиться, но утверждение в форме носит преходящий характер, закрепиться, устояться, жиздиться в ней никогда не удастся, поскольку жизнь – это вечное порождение форм, – лишь сознание в силу своей инерции вызывает к раз устоявшимся и устойчивым истинам для того только, чтобы жизнь раз и навсегда разрушила их. И идеал самоорганизации, как любой другой идеал, чтобы осуществиться, требует технологии, то есть определенной формы. Проект современного положения культуры прочерчивает в своем развитии конфигурации, где знание является продуктом, который не может потребляться отдельным человеком, его потребитель – все общество, точнее те его члены, которые имеют на то внутренние условия – способности к извлечению и распознаванию необходимой информации. В определенном смысле информация функционирует как общественное благо, о чем говорит и Д. Белл, и Э. Тоффлер, поскольку, будучи знанием, никогда не расходуется как единственно возможный неисчерпаемый ресурс и никому не принадлежит, так как в современном проекте не может находиться в руках у немногих.

3

На ранних этапах человеческой истории мифологическое, а потом религиозное познание были специфически человеческими способами адаптации живого в физической среде и биосфере, которые демонстрировали процессы усовершенствования когнитивных механизмов на путях экономии использования внутренних энергетических потенциалов за счет чисто созерцательных виртуальных усилий.

Условия, которые фиксируют «остановку» жизненного порыва, ведя к сдерживанию «энергии вдохновения», не могут иметь одну-единственную причину. Но на поверку получается, что регуляция посредством табу заменила собой принцип регуляции посредством инстинкта, и распределение силы в качестве господства и подчинения сместилось из модуса естественного отбора в сторону искусственной селекции. Большая вариативность индивидуальной программы по мере расширения зоны распространения и освоения требовала выработки защитных механизмов внутри коллектива, которые бы ограничивали внутривидовую борьбу посредством страха перед более мощной силой, чем сила особи. Естественная свобода живого, детерминированная удовлетворением потребностей и неограниченная ничем, кроме побудительных причин по восстановлению гомеостаза, и другой особью, которая демонстрирует большую силу и заставляет подчиняться и довольствоваться малым особью, демонстрирующую меньшую силу, эта свобода живых организмов получила важное привходящее дополнение за счет возникшего в системе живого в разных контекстах понимания: господства и подчинения, агрессии и апатии, возбуждения и торможения – главного элемента – торможения такой силы, которая под давлением **естественного страха** сворачивала энергию внутрь, расходуя на

развитие когнитивных, а не психофизически-поведенческих механизмов. Эта сублимируемая энергия, питающая когнитивные процессы, изменяла и разворачивала поведение, которое уже основывалось на внутренних интеллектуальных ресурсах, а не только на физической силе и экономическом подчинении. Эта более гибкая сила возвышалась над инстинктуальной программой и оказывалась более эффективной, привнося решительно-оцепеняющий аргумент. Боги как персонифицированные силы природы были задействованы в качестве такого аргумента, и умение магически управлять божественными силами поставило особь на другую ступень развития и возвысило ее над другими. Культивировался страх иного рода – **страх иерофании**, оцепеняющий и подавляющий, граничащий с гипнотическим воздействием, парализующим волю. Социальная иерархическая структура имеет подобную иерофантическую основу. Она знаменовала собой искусственный отбор по сословному принципу, купировав естественное равенство, то есть равенство в проявлении собственной силы заменив на сословное неравенство: «Что позволено Юпитеру, не позволено быку». Борьба замыкалась в рамках символического интеракционизма и велась за право говорить от имени богов/Бога, борьба велась, по сути, за иерофантическую интерпретацию, за открывающуюся избранным силу бога, узурпация которой в конечном итоге сакрализировала власть. Однако в Новое время, в эпоху Просвещения, связанную с научной революцией и промышленностью, развитие науки сопровождалось секуляризацией и расколдовыванием, а, вместе с тем, управляющие механизмы лишались иерофантической поддержки и из религии сепарировалась мораль. Сначала религиозное (М. Лютер) и интеллектуальное (Р. Декарт), потом экономическое (А. Смит) и правовое (Дж. Локк, Т. Гоббс и др.) освобождение выдвинуло на историческую арену индивида, который фундировался не иерофаниями, а личной ответственностью, опирающейся на христианскую мораль и основанное на ней право.

Однако правовые нормы более прозрачны, легче преодолеваются, чем табу и религиозные запреты, жестко кристаллизующие социальную структуру и родственные инстинкту. «Звездное небо над головой и нравственный закон внутри нас» – формула Канта, апеллирующая к личности, требует уже от нее формирования жестких оснований и внутренней силы им следовать в ситуации переформатирования сословных прав и формирования классов, ферментом которого становится собственность, обеспечивающая или ущемляющая экономическую свободу. Таким образом, очищенная от иерофаний мораль либо возвращает человека к естественному праву силы, либо возвышает до силы права, позволяя не только избранным выступать от имени Бога/самого себя. И тогда формула: «Если Бога нет, то все позволено» констатирует это поле противоречий, которое разрешается отношением к собственности и классовой борьбой. В этой новой биполярной конструкции право силы и сила права ищут возможность разумного общественного функционирования.

Научно-рациональное познание, провозглашенное просветителями все меньше оставляло место Богу и все больше пространства расчищало для личности, провозглашая набор различных идеологий, замещавших собою религию Пророков культом Вождя, и этот Человек-масса как оборотень буржуазного либерализма, трикстер и «обезьяна бога» подменил Личность личиной, на место *избранных* самой Природой избрал «маленького человека», который, возмнив себя Богом, стал пародией на ницшеанского сверхчеловека.

Индивид как особь *всегда был свободен* в удовлетворении своих потребностей и *ограничен свободой удовлетворения потребностей другой, более сильной особи*, а как личность – обладал свободой *потенциально*, поскольку инкубатором личных свобод был коллектив как механизм индивидуального выживания. Аналогом этого понимания является категорический императив И. Канта: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла стать принципом всеобщего законодательства». Но на пути процесса индивидуации возник более жесткий предел тотального управления, который превзошел естественные законы инстинктуальных императивов посредством культивирования новой формы страха – не страха божьего, дающего человеку силу, а **страха перед самим собой, страха эгофании**, отбирающего у человека самого себя. И вот теперь, когда в культуре информационного общества зарождается, как утверждает, стремление к идеальным высотам освобождения, самоорганизации и самоопределения личности и личностей, объединенных общим интересом в группы, и в условиях, когда императивом этих процессов становятся информационные технологии, которые моделируют такую инстанцию личности, которая уже не сможет сохранять «скелеты в шкафу» для общего обозрения, организовывается в своем последнем пределе общество беспрецедентной и беспредельной *открытости* под эгидой всевидящего ока нового «Бога из машины» – «галактики Интернет» – и здесь «воистину каждому воздается по заслугам» «с учетом личного вклада» в «общее благо».

Заключение

В новых условиях информационного общества технологические форматы представляют собой

цифровые аналоги классической координации личности и группы. В силу технологического развития дальнейшая диверсификация реальности на виртуальную и действительную в последовательной смене конфигурации соотношений организм/индивид/личность – стадо/общность/группа в своем информационном разнообразии снимает различие между виртуальными конструктами и действительными конгломерациями. Получая программное обеспечение, благодаря которому классические форматы, основанные на иерофаниях, замещаются и переформатируются, не меняя своей функциональности, электронными версиями, информанты в условиях атомизации социума выстраивают такую структуру отношений личность-группа, где тождество бытия и представления о бытии конфигурируется согласно требуемому информату. В дальнейшем неустойчивое самоопределение личности и подвижная самоорганизация групп получают обезличенную изменчивость согласно структурно-функциональному закону координации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. СПб.: Стокгольмская школа в Санкт-Петербурге, 2004. 252 с.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Academia, 2004. 940 с.
3. Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М.: Academia, 1999. С. 70–100.

REFERENCES

1. Bard A., Zoderkvist Y.A. NETOCRACY. Saint Petersburg, 2004. 252 p. (In Russ.)
2. Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. Academia. Moscow, 2004. 940 p. (In Russ.)
3. Draker P. Post-capitalist society // A new post-industrial wave in the West. Anthology. Moscow, 1999. P. 70–100.

FORMAT EVOLUTION

BORISOV
Oleg

*Doctor of Philosophy,
Associate Professor,
Pushkin Leningrad State University, Faculty of
Philosophy, Cultural Studies and Art,
St. Petersburg, Pushkin, Russian Federation,
o.s.borisov@gmail.com*

Keywords:

evolution
knowledge society
information
management
format
personality
group
self-organization
the phenomenon of fear
hierophany

Summary:

The article is an attempt to consider the historical development of social relations, leading through information technology to the transition from the classical format of coordination of an individual and a group to its technical counterpart in a postulated society based on knowledge. Schematically, the structure of development appears in the isolation of an individual from the collective in connection with the formation in the course of better adaptation of a reflexive ability leading to an awareness of one's own mortality. The compensating mechanism at the next stage of adaptation of cognitive abilities that restore the internal balance of the body due to purely psychological mechanisms is the development of practices that allow hypostatic ideas about things in a special space responsible for their immutability and virtual constancy. In contrast to the physiological mechanisms of homeostasis of an individual in contact with the external environment, where its objects appear as unconditionally necessary sources of satisfying the need, reorientation in connection with the recognition of imminent death to the internal environment in order to search for such saving practices has generated a personal homeostasis in which the formed ability linked an individual not only with himself due to the virtual construction, but also at a new level of relations - with community, giving rise to indirect communication individuals related to social homeostasis. In the new conditions of the information society, technological formats are digital analogues of the classical coordination of an individual and a group. Due to technological development, further diversification of reality into virtual and real in a successive change in the configurations of the organism / individual / personality - herd / community / group relationships in its informational diversity removes the distinction between virtual constructs and real ones. Obtaining software, due to which classical formats based on hierophany (manifestation of the sacred) are replaced and reformatted without changing their functionality by electronic versions, informants in the conditions of atomization build a personality-group structure, where the identity of being and the concept of being are configured according to the required informat. In the future, self-determination of personality and self-organization of groups receive impersonal instability.